

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

М.В. Шульга. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М.: Издательство Московского государственного университета леса, 2003. 302 с.

Свои многочисленные научные статьи М.В. Шульга посвящает прежде всего вопросам исторической морфологии имен в восточнославянских языках. Проблемы, связанные с объяснением развития морфологической системы, всегда обсуждались автором на высоком теоретическом уровне. Рецензируемая книга не отстает в этом отношении от предыдущих работ автора.

Главной задачей исследования является раскрытие механизмов исторических преобразований флективной системы. Поэтому работа не ограничивается описанием фактов языкового развития, а изучает структурные связи и представляет теоретические толкования описываемых процессов. При этом автор предпочитает в общем собственно морфологические объяснения анализируемых языковых фактов. Особое внимание эта книга уделяет 'древнерусским' (т.е. древневосточнославянским) и 'старорусским' периодам XI–XIV вв., но приводится также богатый материал из 'среднерусского' периода (XV–XVII вв.), из древних и современных говоров не только русского, но и белорусского и украинского языков. Таким образом, складывается сравнительно полная картина обсуждаемых в этой книге исторических процессов на ареале восточнославянских языков. Она дополняется и примерами из истории других славянских языков.

Структурному подходу этой работы соответствует разделение книги на три обширные главы, посвященные каждой описанию исторического развития одной грамматической категории русских существительных: роду, числу и падежу. Каждая глава начинается обзором теоретических предисылок, продолжается обсуждением ряда частных проблем, связанных с историческим развитием средств выражения данной категории, и в конце сле-

дует подробный обзор 'основных выводов'. Книга завершается разделом 'Заключение' (с. 259–266), повторяющим важнейшие итоги всего исследования. Подробное членение глав книги и то внимание, которое автор уделяет представлению своих тезисов в сжатой форме, значительно облегчают читателю пользование книгой.

Приступим к обстоятельному рассмотрению отдельных глав книги.

Глава 1. 'Морфологическое развитие категории рода' (с. 7–132). Особым преимуществом рецензируемой книги является то, что в области рода автор проводит последовательное различие – во-первых, между синтаксическим родом (проявляющимся посредством согласования) и морфологическим родом (выраженным через противопоставление парадигм самих существительных), – и, во-вторых, между родами существительных с личными и с неличными десигнатами. Для последующего обсуждения оказывается особенно ценным второе противопоставление. Подчеркивается, что только род неличных существительных образует трехчленную оппозицию, род же личных существительных (пол) является двучленной оппозицией. Чтобы пояснить основную разницу в функционировании рода в этих сферах, автор использует теорию пражской школы об асимметричности грамматических оппозиций и теорию маркированности: среди родов личных существительных мужской является немаркированным, женский – маркированным; среди родов неличных существительных женский является абсолютно маркированным, средний абсолютно немаркированным, и мужской – маркированным относительно среднего и немаркированным относительно женского рода. Указанные соотношения проявляются уже в древнерусском периоде. Эти выводы

опираются преимущественно на изучение (до-вольно редко засвидетельствованных в текстах) механизмов родовой нейтрализации (gender resolution, ср. [Corbett 1991: 261 и сл.]), которые определяют правила согласования в случае конфликта существительных-контролеров разных родов. Более того, при родовой нейтрализации в конфликте с личными существительными проявляется иерархическая доминанция / немаркированность рода личных существительных: в этом случае родовая нейтрализация приводит к употреблению мужского рода как немаркированного (ср. др.-русск. *да быхъ азъ былъ и чада моя и сѣмя моя живи были*, с. 26). Но показательны и такие, например, наблюдения структурного характера, как то, что названия лиц женского пола могут склоняться исключительно по "женскому" образцу *a-* и *i-*склонения, тогда как названия лиц мужского пола склонялись в истории восточнославянских языков по "мужским" и "женским" словоизменительным образцам (ср. *воевода, батюшко > батюшка* и т.д.). Несоответствие синтаксического и морфологического рода является структурным свойством названий лиц мужского пола.

Благодаря такому подходу, автор избегает многих противоречий, часто появляющихся в грамматических описаниях категории рода в славянских языках. Однако в истории славянских языков имели место и такие изменения формальных средств выражения рода, которые допускают другую интерпретацию системы грамматических родов, чем та, которая представляется в этой работе: а именно, противопоставление маркированного женского рода немаркированному неженскому (ср. с. 20), причем маркированность среднего рода сравнительно с мужским в рамках неженского класса не вызывает сомнения. На абсолютную немаркированность среднего рода указывают прежде всего отношения родовой нейтрализации – в современном русском языке только еще в анафорических контекстах (с. 27: *Пол, стены, окна – все это было выкрашено в голубой цвет*). Но выбор среднего рода объясняется здесь, как указывает сам автор вслед за Г. Корбетом [Corbett 1991: 292], семантическими, а не структурными свойствами. В связи с подобными примерами английский лингвист указывает именно на ограниченную роль отношений маркированности для механизмов родовой нейтрализации (ср. также более подробное обсуждение этой проблемы в нашей книге [Menzel 2000: 89 и сл.]). Если принять во внимание развитие формальной структуры славянского склонения, то более достоверным окажется вывод, что абсолютно немаркированную величину представ-

ляет мужской род. Как известно, такое отношение подтверждается и количественными данными (в древнерусской письменности более 54% существительных приходится на категорию мужского рода, см. [Мещерский 1974: 205]).

Следует указать на эту проблему, потому что некоторая сдержанность автора относительно включения формальных показателей в интерпретацию языковых преобразований (в пользу функционально-семантических показателей) обращает на себя внимание и в других местах книги. Конечно, обоснованность общих выводов этим под сомнение не ставится. Но соображения полноты обсуждения причин морфологических изменений требуют совместного рассмотрения формальных, семантических и прагматических явлений, как это делается, например, в теории "естественности", также опирающейся на понятие маркированности (ср. [Винтер 1982, Дресслер 1986]). Если, например, автор ссылается на мнение Ягича, что благодаря экспансии гласного *-a-* в формах Д, Т и М. множ. *-ам, -ами, -ах* выделяется показатель множественности (с. 22), то на это можно ответить выводом Х. Андерсена [Andersen 1969: 28], что окончания на *-a-* получили широкую продуктивность, во-первых, как показатели части речи существительных, и, во-вторых, из-за их чрезвычайно регулярной структуры, которая представляет значительное преимущество в сравнении с формально неоднородными и вариантными окончаниями других парадигм (т.е. *-омъ/-емъ, -ы/-и, -(ѣхъ/-ихъ/-охъ о-*склонения и *-ьмъ/-ьмъ, -ьми/-ьми, ѣхъ/-ѣхъ* склонений на краткие гласные и согласные). Интерпретация гласного *-a-* как показателя множественности является вторичным фактором этого процесса (Hentschel, Menzel 2002).

Несмотря на эти мелкие спорные детали, автор представляет в этой главе многие новые и ценные выводы о воздействии грамматического рода и пола на развитие флективной системы восточнославянских существительных. Приведем основные итоги (разделы 1.2–1.4).

Тщательно рассматривается тематика развития и функциональной характеристики несоответствия между синтаксическим и морфологическим родом существительных. Это структурное свойство определенных названий лиц мужского пола все более ограничивается. Имена нарицательные мужского рода на *-a* и *-и* были уже в древнерусский период непродуктивными, только мужские имена собственные на *-a* и *-o* пополнялись новообразованиями – прежде всего за счет "квалитативов", т.е. имен с дополнительной субъективной оцен-

кой лица, которые начиная с XVI в. регулярно переходили в склонение на *-а* (сохраняя или даже принимая мужское согласование: *твое сынишко > твой сынишка*). Автор уделяет большое внимание историческому развитию существительных мужского рода на *-и* (*судии, кмигичи, Григории*) в древнерусский период. Переход этих существительных в склонение типа *жена* или типа *плодь / медь* привел к значительной унификации словозменительных моделей и охватил все отличающиеся от этих образцов словоформы одновременно. Автором тщательно определяется хронологические отношения этих изменений в разных лексических классах. Уже в древнерусский период в склонение на *-а* перешли полностью имена собственные типа *Ивашко*, личные имена нарицательные на *-о* сохранились до XVI в., а нарицательные имена качественного характера типа *дворничко* дожили частично до сегодняшнего дня. В этой эволюции легко проследить влияние лексических категорий личности / одушевленности и оценочных структур прагматического характера.

С XVII в. наблюдается, особенно в говорах, определенная тенденция формирования Т. ед. существительных типа *староста* по "мужскому" словозменительному типу (*с дедушкой, с Васьком*). Таким образом эти существительные объединяются в одну собственную парадигму, ограниченную от существительных женского рода на *-а*. Здесь проявляется тенденция к дифференциации родовых парадигм (женского и неженского согласования) по форме Т. ед. Автор указывает на функциональную последовательность этого процесса, который охватывает существительные разных лексических классов в разное время, внимательно анализирует распространение этого явления в современных говорах и даже определяет количественные данные новых форм в деловой письменности XVII в.

Следующее анализируемое в этом контексте явление – это объединение различных типов склонения на основе родовых противопоставлений в древнерусском языке. Главным образом обсуждается развитие окончаний в Т. ед., но рассматриваются также другие падежно-числовые формы, в которых распределение окончаний не совпало со структурой родовых противопоставлений. "Единицей морфологического выражения" рода является не отдельное окончание, а цельная родовая парадигма. Поэтому унификация родовых парадигм представляет главный прием внедрения категории рода в структуру склонения существительных. Автор полагает (с нашей точки зрения, не совсем убедительно), что для продуктивности окончаний решающей является

их родоразличительная функция: окончание, выступающее с одним определенным родом, получает преимущество перед конкурирующим двуродовым окончанием, а двуродовое окончание получает преимущество перед трехродовым (= внеродовым). Многие из количественных данных, которые приводятся в этом разделе, допускают, однако, и другую интерпретацию. Продуктивность определенного окончания зависит в первую очередь от его функции в области выражения категорий падежа и числа, а также от его характеристики в отношениях формальной маркированности и "иконичности" (= отношение соответствия между сложностью означаемого / значения и сложностью означающего / формы; ср. [Hentschel 1992: 33]). Например, окончание *-овъ* Р. множ. является чрезвычайно продуктивным в истории восточнославянских языков не только потому, что оно первоначально было родоразличительным; помимо этого, благодаря экспансии этого окончания была устранена "нежелательная", с точки зрения механизмов иконичности, омонимия между немаркированным И. ед. и маркированным Р. множ. в пользу иконичного кодирования этого противопоставления (*плодь : плодь > плодь : плодовъ*), и было установлено иконичное отношение между Р. ед. и Р. множ. (*плода : плодовъ*; ср. [Jakobson 1957]). Окончание Т. множ. *-ыми/-ьми* получило сравнительно низкую употребительность не только потому, что было двуродовым, но и по этой причине, что является единственным окончанием в склонении существительных, которое после выпадения слабых еров начинается с согласного и поэтому может привести к "трудным" группам согласных в конце основы слов.

В случае же формально и функционально эквивалентных конкурирующих окончаний, безусловно, можно согласиться с точкой зрения автора о значении родоразличительной функции данных окончаний для развития их употребительности.

Унификация состава окончаний в "больших" типах склонения существительных мужского / среднего и женского рода связана преимущественно с устранением противопоставления окончаний твердой и мягкой разновидности. Эти преобразования различаются материально в отдельных областях восточнославянского языкового ареала, но в каждом говоре изменения охватывают всю парадигму, а не только отдельные окончания, и представляют одинаковые результаты, независимо от падежно-числового значения данных окончаний. Автор подтверждает эти выводы большим количеством примеров из ис-

тории языка и из говоров. Главной темой обсуждения является здесь устранение морфологической корреспонденции окончаний *-ъ* и *-и* в Д. / М. ед. склонения на *-а* и в И. / В. дв. существительных женского и среднего рода. Особое внимание уделяется при этом отношениям в двойственном числе, причем автор изучает и вопросы использования форм двойственного числа во множественном значении и указывает на лексические отступления от общих правил употребления этих окончаний. Последняя представленная в этом разделе проблема – это устранение фонетической оппозиции гласных *о* и *е* в окончаниях твердой и мягкой разновидностей склонений. Автор тщательно описывает разграничение фонетического и морфологического характера этих изменений и показывает степень зависимости последнего от первого. Здесь также приводится богатый исторический и диалектный материал.

Глава 2. "Морфологическое развитие категории числа" (с. 133–216). Из круга морфологических явлений, определяемых прежде всего преобразованиями в категории числа существительных, вначале рассматривается унификация форм двойственного и множественного числа. Ссылаясь на работу [Исаченко 1961], автор представляет отношения маркированности грамматических чисел в старославянском языке как основу действующей в древнерусском системы числовых противопоставлений. Единственное число является абсолютно немаркированным членом оппозиции, категориальную основу которой можно описать термином "расчлененность". Множественное и двойственное числа как маркированные члены категории расчлененности противопоставляются между собой признаком "дихотомии". Надо полагать, что в цепи бинарных оппозиций (аналогичных трехчленной структуре категории рода!) двойственное число занимало бы позицию дважды маркированного члена (по признакам выражения расчлененности и дихотомии; ср. [Derganc 1988: 237; Menzel 2000: 217]). Поэтому сомнительно, что автор на основе преобразования падежно-числовых окончаний в истории русского языка (*дѣвъ селѣ > дѣва села*) говорит не о цепи признаков, а о "взаимно не противопоставленных форм[ах] дв. и мн. ч." (с. 134). Однако, несмотря на эту непоследовательность, далее очень достоверно описываются механизмы формального и категориального развития показателей двойственности.

В первую очередь автор анализирует слова, обозначающие парные части тела. В формах *очи*, *уши* и т.д. как лексическом наследии

двойственного числа наблюдается "качественный сдвиг" категориальной основы от количественного отношения к семантическому признаку парносоставности. Активно проявляют себя формальные преобразования, позволяющие говорить о грамматикализации этого признака. У существительных со значением парных частей тела окончания двойственного числа приняли способность функционирования во множественных контекстах, причем по модели Р. / М. *очю*, *ушию* встречаются даже такие новообразования, как *бровию*, *ноздрию* и под. В зависимости от общей употребительности словоформ ед. и множ., в парадигмах множ. развивались или формы, соотнесенные с парадигмой единственного числа (*рука* : *руцѣ > руки*), или плюральные алломорфы (*око* : *очи*). Кроме того, в продолжение длительного процесса проявляется единая акцентная схема существительных со значением парных частей тела. Период наиболее регулярной реализации категории парносоставности падает на XIII–XIV вв. Развитие склонения этих существительных документировано богатым материалом из древних рукописей. С особенной тщательностью изучаются следы давнего двойственного склонения парных слов, существующие в современных русских говорах. Автор делает вывод, что ни в одном говоре нерегулярные окончания этих существительных не были заменены полностью и последовательно.

Следующее изучаемое явление – устранение родовых различий среди окончаний множественного числа. Этот процесс описывается как проявление тенденции к более однозначному выражению числовых значений. Синонимия показателей числа с определенным падежным значением (например, в И. множ. выступали окончания *-и*, *-ы*, *-ѣ*, *-е*, *-ове*, *-ие*, *-а*) преодолевается унификацией всего многообразия окончаний – по возможности, во всех родовых парадигмах. Таким образом однозначное кодирование падежно-числовых значений приводит к распространению внеродовых окончаний в парадигмах множественного числа. В той степени, в какой эти изменения охватывают не отдельные окончания, а всю парадигму одновременно, можно сделать вывод о числовой мотивации данного процесса. Автором более не обсуждается эта предположенная одновременность – хотя действительно отмечаются хронологические различия в распространении внеродовых окончаний в отдельных падежах множественного числа (ср. [Иорданиди, Крысько 2000: 252 и сл.] и с. 247 и сл.). Появляющиеся с XIII в. процессы родовой унификации в парадигмах множественного числа оцениваются автором как

побочный' результат преобразования в системе выражения категории числа (с. 163). Этими наблюдениями автор очень убедительно объясняет широко обсуждаемую в научной литературе проблему соотношения морфологизации категории рода в парадигмах единственного числа и деморфологизации этой же категории в парадигмах множественного числа. Оказывается, что развитие средств выражения категории рода зависит от средств выражения категории числа, которые в случае маркированного члена оппозиции, множественного числа, стремятся к развитию структуры, противоречащей сохранению родовых оппозиций. Очень интересен также подход автора к проблеме соотношения родовой унификации в парадигмах множественного числа существительных, прилагательных и местоимений. Например, еще Х. Аддерсен исходил из того, что утрата родовых различий у существительных произошла только после объединения родовых окончаний у согласуемых слов [Andersen 1969 27]. Автор показывает, что эти процессы, охватившие с XIII в. парадигмы существительных, действительно не находились в зависимости от изменений в парадигмах согласуемых слов. Является общей закономерностью, что морфологические процессы, начинающиеся в сфере существительных, в сфере согласуемых слов происходят с большей скоростью и более последовательно.

Особую проблему представляет склонение слова *оба* / *обе*, которому уделяется большое внимание. В современном русском языке оппозиция форм типа *обоих* / *обеих* (контаминированных с давней парадигмой *обои* / *обѣи*) является единственным родовым противопоставлением в непрямых падежах множественного склонения у согласуемых слов. Оно описывается нормативным распределением, которое было сформулировано, по указанию автора, уже в грамматике В.Е. Адогурова 1731 г. В менее нормативных разновидностях русского языка, а также в говорах, имеет место или распределение форм по признаку маркированности (*оба* выступает во всех родах, *обе* исключительно в женском роде), или обобщение только одной из данных форм. Случаи, в которых обобщилась собственно 'маркированная' форма *обе*, объясняются тем, что произошла новая интерпретация окончания *-е*, которая является не женской, но внеродовой формой по аналогии с местоимениями И множ *те, все* (аналогично в случае числительного *двенадцать* вместо **дванадцать*)

В конце раздела о категории числа автор делает ценные замечания о грамматикализа-

ции категории исчисляемости в русском языке, которые в такой последовательности встречаются редко в исторических грамматиках. Главное внимание уделяется морфологическому показателю этой категории, распределению *-а* и *-у* в Р. ед. существительных мужского рода. Категориальной оппозицией, на которую опирается распределение этих окончаний, является именно семантический признак исчисляемости / неисчисляемости, который объединяет такие понятия, как отвлеченность, вещественность и собирательность (ср сходное распределение окончаний Р. ед. в ряде польских говоров, описанное в работе [Kusała 1971]). Морфологическое выражение семантического противопоставления исчисляемых и неисчисляемых существительных осуществляется именно в Р., у которого количественное значение оказывается "одним из главных" (с. 194). Однако распространение окончания *-у* на существительные со значени-ем неисчисляемости происходило первоначально в тесной связи с наличием у этих существительных подвижного ударения. Особая акцентная схема служила разграничению форм Р. ед. и дв. После утраты форм двойственного числа акцентологическая специфика класса неисчисляемых снималась, и форма Р. ед. *-у* оказалась особенно продуктивной среди отглагольных новообразований. Важным показателем грамматикализации категории исчисляемости является устранение лексической вариативности форм Р. ед. *-а* и *-у*, которое наблюдается вплоть до XVII в., как автор показывает далее. Но уже во второй половине XVII в. отмечается повторное нарастание лексической вариативности обсуждаемых окончаний, вызванное закреплением за окончанием *-у* партитивного значения и, следовательно, вытеснением этого окончания из других контекстов категории неисчисляемости. На этот период приходится и рост общей тенденции к лексикализации количественных отношений, что ведет к появлению таких лексических пар, как, например, *хлеб* и *хлеба*. Предполагается, с одной стороны, что противопоставление окончаний *-а* и *-у* перестало использоваться как средство выражения категории исчисляемости, потому что оно было ограничено в своем функционировании исключительно одним падежом и только у определенной части существительных мужского рода. По отношению к параллельным, более универсальным средствам выражения этой категории (акцентная схема и лексическое противопоставление по числу) употребление вариантов форм Р. ед. не могло выдержать конкуренции и стало избыточным. Но, с другой стороны, немотивированное противопос-

тавление данных окончаний могло использоваться для повторной грамматикализации в качестве средства выражения одного из частных значений родительного падежа – партитива. Параллельно имела место и новая интерпретация вариантных окончаний Р. множ.: здесь нулевое окончание приобретает в русском языке продуктивность в собственно количественных контекстах (типа *пять апельсинов*).

Глава 3. "История падежной системы" (с. 217–258). Здесь описываются важнейшие процессы влияния категорий рода и числа на систему падежных противопоставлений. Средством выражения категориальных признаков является не только материальное оформление падежных окончаний, но и система падежных оппозиций. Грамматикализация падежных оппозиций ведет к уменьшению грамматической значимости самих окончаний. Категория лица (впоследствии, одушевленности) выражается исключительно посредством противопоставления или совпадения форм Р. и В. Грамматическое функционирование падежных оппозиций наблюдается и в области выражения категорий рода и числа. Автор исходит из того, что развивается особая структура падежных оппозиций для каждого из членов категории рода. Особенно интересными являются, с этой точки зрения, случаи омонимии Р., Д. и М. ед. существительных женского рода. Автор отвергает попытки объяснить данные отношения преобразованиями в области фонетики. Первоначально совпадение этих форм было свойственно склонению существительных типа *кость* и *гость*. По мере того, как происходило сужение этого склонения до существительных женского рода, данная падежная омонимия становилась признаком склонений женского рода в целом и охватывала также существительные на *-а* – больше всего из мягкой, но также и из твердой разновидности. Оказывается, что в ходе обобщения твердой и мягкой разновидностей склонения на *-а* в XIV в. унификация окончаний Р. ед. (ср. *жены* : *землѣ* > *земли*) произошла быстрее, чем унификация окончаний Д. / М. ед. (ср. *женѣ* : *земли* > *землѣ*). Этот факт способствовал многовековому вариативному сосуществованию падежной омонимии *у / к / на земли* и формального противопоставления Р. Автор тщательно описывает распространение этих явлений, сравнивая их с отношениями в склонении согласуемых слов. И в этом случае автор приходит к заключению, что развитие морфологических оппозиций у согласуемых слов определяется процессами в склонении существительных. Но для распространения омонимии Р., Д. и М. ед. у согласуемых слов

было особенно благоприятно, что в области существительных женского рода противопоставлялись две структуры: парадигмы с омонимией этих трех падежей и парадигмы с оппозицией Р. : Д. / М. ед. В структуре падежных окончаний у согласуемых слов имеет место "свертывание" структуры падежных оппозиций существительных женского рода в пользу более редуцированной структуры с трехчленной падежной омонимией. Она получила большое распространение уже со второй половины XV в. В случае полного осуществления падежной омонимии Р., Д. и М. ед. у существительных женского рода и согласующихся с ними слов (как, например, в древневогородском диалекте) формировался структурный показатель всех имен женского рода.

Кроме того, в системе падежных противопоставлений проявляются результаты изменений, свойственных средствам выражения категории рода. Определенное обобщение произошло прежде всего в оформлении плюральных падежных оппозиций. Устранились, с одной стороны, падежные оппозиции в И. и В. множ. существительных мужского рода, в результате чего и структура падежной омонимии среди всех трех членов категории рода приобрела параллелизм. В зависимости от этого, установилось единое окончание *-ые* для этих трех родов в И. / В. множ. согласуемых слов. Но, с другой стороны, в склонении существительных мужского рода осуществилась и формальная дифференциация падежных окончаний – в И. / В. и Т. множ. (ср. *плоды* > *плоды* : *плодами*), что фактически означало усложнение системы падежных оппозиций. Этот процесс также привел к структурному обобщению плюральных парадигм. Он происходил, безусловно, медленнее, чем процессы, основанные на явлениях унификации, и завершился у существительных мужского рода только во второй половине XVII в. У существительных же среднего рода, которым не хватало дополнительного импульса для преодоления собственной падежной омонимии (ср. *окна* : *окны* > *окнами*), новые формы Т. множ. появились еще позже, в начале XVIII в. Внедрение окончания *-ы / -и* Т. множ. в парадигмы склонения на *-а* (автор насчитывает до 30% этого окончания в Брянских письмах XVII в.) показывает высокую степень вариативности соответствующих окончаний на протяжении этого процесса.

Система падежных оппозиций действительно является важным структурным средством, определяющим развитие склонений имен в славянских языках. Аргументация автора относительно причин процессов, охватывающих плюральные парадигмы, является очень

убедительной. См., однако, работу [Hentschel 1992], в которой устанавливаются образцы падежных противопоставлений, охватывающие даже парадигмы единственного и множественного числа (например, *ательсин* И. ед. = Р множ, *профессора* Р ед. = И. множ). Как уже было отмечено в рецензии, категория падежа может оказывать активное, самостоятельное влияние на материальное оформление окончаний, о чем свидетельствует по крайней мере различная скорость преобразования *-ы* > *-ами* в Т множ. у существительных мужского и среднего рода, в зависимости от наличия или отсутствия падежного синкретизма с И. / В множ. Желательно было бы более обстоятельное изучение этих отношений, которые представляются здесь как более или менее побочные результаты преобразований других морфологических категорий.

Что удручает в этой книге – это сравнительно большое количество опечаток, особенно в первой половине. К сожалению, недостатки частично распространяются и на библиографию: в конце книги отсутствует ссылка на работу [Иорданиди, Крысько 2000], а в списке источников пропущены некоторые из используемых в тексте сокращений. Конечно, всегда находится что-то, что можно сделать еще лучше, и об этом здесь и шла речь. Но будет справедливо оценить рецензируемую работу как в высшей степени обстоятельное исследование, выполненное на очень высоком теоретическом уровне. Автором представлены интересные и оригинальные решения для множества проблем исторической морфологии восточнославянских языков. М.В. Шульга демонстрирует основательное знание как языковых фактов, так и лингвистической литературы. Диахроническая русистика уже давно нуждается во всесторонних теоретически ориентированных исследованиях, которые учитывали бы всю разнородность возможных принципов морфологических преобразований. Рецензируемая книга отвечает этим требованиям в полной мере. Поэтому хотелось бы пожелать данной работе большого внимания научной общественности и заинтересованной дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винтер 1982 – В *Винтер* О маркированности, соответствии норме и "естественности" // ВЯ. 1982. № 4.
- Дресслер 1986 – В.У. *Дресслер*. Об объяснительной силе естественной морфологии // ВЯ. 1986. № 5.
- Иорданиди, Крысько 2000 – С.И. *Иорданиди*, В.Б. *Крысько* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения М., 2000
- Исаченко 1961 – А.В. *Исаченко* О грамматическом значении // ВЯ 1961. № 1.
- Мещерский 1974 – Н.А. *Мещерский* (ред.) Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Л., 1974
- Andersen 1969 – H. *Andersen* The peripheral plural desinences in East Slavic // International journal of Slavic linguistics and poetics. V 12. 1969.
- Corbett 1991 – G.C. *Corbett* Gender. Cambridge, 1991.
- Derganc 1988 – A. *Derganc* On the history of the dual in Slovene and Russian // Wiener slavistischer Almanach. Bd. 22. 1988
- Hentschel 1992 – G. *Hentschel* Роль схем формальной дифференциации в историческом развитии флективной системы русского существительного // RLing V 15. 1992
- Hentschel, Menzel 2002 – G. *Hentschel*, Th. *Menzel*. Marker productivity, structural preferences and frequency. observations about morphological change in Slavonic languages // Indogermanische Forschungen. Bd 107. 2002.
- Jakobson 1957 – R. *Jakobson* The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns // Scando-Slavica. V 3 1957.
- Kučała 1971 – M. *Kučała* Zanikanie kategorii żywotności-mieżywotności w jednej z gwar polskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 10 1971.
- Menzel 2000 – Th. *Menzel* Flexionsmorphologischer Wandel im Polnischen. Eine naturlichkeitstheoretische Untersuchung auf allgemeinslavischem Hintergrund. Oldenburg, 2000.